

Альбафика, в этой жизни ты не святой, и до начала Священной войны тебе не нужно воспринимать меня как Спектра. На самом деле у нас нет обязательных причин быть врагами, не так ли?

— Увидев, что Альбафика погрузился в раздумья, Минос продолжил, — я вдруг обнаружил, что превратился в хрупкого маленького льва, без сил, Космо тоже совершенно не чувствуется. Я думал, что это шутка, которую подбросили мне три богини судьбы, возможно, стоит мне поспать, и я вернусь обратно. Но я вырос из хрупкого лвьёнка в могучего самца и всё ещё оставался львом без какой-либо силы! Я никогда не думал, что окажусь рядом с тобой, я увидел совершенно другого Альбафику, непохожего на того, что остался в моей памяти! Не того упорного до конца, защищавшего деревню стойкого и героического Золотого святого созвездия Рыб, а умеющего смеяться, устающего, нежно принимающего всех обычного человека! Возможно, потому что я был всего лишь львом, ты мог дурачиться со мной, мог быть по-чёрному коварным, нарочно отдавал меня Дезмаску, а потом наблюдал, как я противостояю Дезмаску, видел, как я бегаю по двору, спасаясь от ножей Бела, и смеялся от души, видел, как Луссурия насильно надевает на меня разные странные одежды, и говорил, что это очень мило. Но именно эту твою шаловливость я обожаю до смерти, что же делать, Альбафика, кажется, я не могу без тебя!

С повествованием Миноса Альбафика тоже вспомнил дни, проведённые с Сяосы! Боящегося воды маленького льва, который во время купания всегда обливал его с ног до головы, маленького льва, не желавшего спать в лежанке под кроватью и вечно забирающегося на постель, маленького льва, который всегда сворачивался калачиком у двери, ожидая его возвращения допоздна, маленького льва, который взъерошивал шерсть, когда его дразнили Бел и другие, маленького льва, который выглядел удручённо, когда его, явно беспомощного, он нарочно хвалил за энергичность, того маленького льва, что не отходил от него ни на шаг, всегда крутился у его ног!

— Почему это должен быть ты?

Альбафика болезненно закрыл лицо руками.

— Даже если сейчас ты не Спектр, а я не святой, но в будущем однажды мы неизбежно встанем по разные стороны баррикад, как тогда нам себя вести?

В сердце Миноса вспыхнула радость, Альбафика явно начинал смягчаться, нужно добавить усилий!

— Будущие проблемы оставим будущему, мы живём в настоящем, разве нет? Более того, если я смогу гарантировать тебе, что в этой Священной войне не убью ни одного святого, согласишься ли ты отпустить свою ненависть ко мне?

Альбафика опустил взгляд. Ненависть? На самом деле к Миносу у него не было никакой ненависти. В момент выполнения своей миссии все обиды и вражды подобно розовым лепесткам, утратившим аромат, рассеялись с ветром. Причина такого гнева была лишь в уязвлённом самолюбии от ощущения обмана.

— Минос, что заставило тебя дать такую гарантию? Разве ты не боишься, что Владыка Преисподней Аид накажет тебя?

— Боюсь!

Минос подошёл, пальцем приподнял подбородок Альбафики.

— Но ради любви, ради красавца, всё стоит того!

Его дразнят... Лицо Альбафики мгновенно потемнело, он схватил руку Миноса, творящую беспорядок, и сильно швырнул её, с силой бросив человека на стену.

— Как и следовало ожидать, нельзя питать к тебе никаких надежд, Минос!

Минос всем телом ударился о стену, а затем тяжело упал на пол. Он одной рукой оперся на болящую поясницу и поднялся.

— Это же просто шутка, зачем так жестоко?

— У меня нет настроения шутить с тобой!

Альбафика чуть не бросился вперёд, чтобы добавить ему пинка.

— Минос, убирайся отсюда!

Настроение Миноса мгновенно упало.

— Ты прогоняешь меня?

Альбафика достал розу и направил её на Миноса.

— Минос, уходи, иначе мы враги, до тех пор, пока один из нас не умрёт!

Минос пришёл в ярость.

— Альбафика, всё, что мы только что сказали, ты вообще не слушал? Верь или нет, у меня нет намерений враждовать с тобой. Отбрось наши чёртовы личности, какие обиды между нами заставляют нас драться насмерть? Все эти годы я никогда не скрывал своего характера, даже будучи львом, неужели ты действительно не испытываешь ко мне никаких чувств?

— Сказать, что нет, было бы ложью. Но все эти чувства полностью исчезли, как только я узнал, что ты Минос. Минос, к чему тебе так упорствовать? Ты один из трёх великих Судей Преисподней, стоящий на вершине 108 звёзд зла, разве нет необходимости тебе оставаться здесь?

Вот чего Альбафика не мог понять. Если раньше Минос был вынужденно превращён в Сяосы и не мог уйти, то теперь он восстановился, так почему же он не возвращается в Царство мёртвых, а хочет остаться здесь?

— Потому что...

Минос проглотил следующие слова и вытащил другую причину.

— Я обещал Лугонису защищать тебя!

— Мне это не нужно! Учителю Лугонису я всё сам объясню, можешь идти!

Альбафика безжалостно прогнал его.

Минос глубоко взглянул на Альбафику, затем с разбитым сердцем повернулся и ушёл! Подняв голову к усыпанному звёздами небу, Минос ощущал в сердце нерассеивающуюся горечь.

Альбафика, ты думаешь, так сможешь меня прогнать? Говорю тебе, в этой жизни, нет, во веки веков, я, Минос, буду цепляться за тебя!

Глядя в направление, куда ушёл Минос, Альбафика вздохнул. Минос, даже если у нас сейчас нет причин для вражды, но Диз и Аб — ведь они Золотые святые!

Последующие несколько дней настроение Альбафики было очень подавленным, все относились к нему с большим пониманием и не беспокоили, даже Занзас просто молча забрал Суперби, не устроив драки в поместье семьи Рола. Элвин очень корил себя: изначально не следовало отдавать Сяосы боссу. Кто мог предположить, что этот милый белый лев окажется демоном? Хотя этот демон спас единственного младшего брата босса, но причинил боссу печаль и страдания — это величайший грех!

— Господин Элвин!

Подбежал коротко стриженный каштановый юноша лет шестнадцати.

Элвин нахмурился и отчитал его.

— Что с тобой? В главном поместье семьи носишься сломя голову, где твои манеры?

Юноша опешил, поспешил извиниться.

— Простите, господин Элвин, дело в том...

Элвин последовал за юношей за ворота и увидел собаку с такой густой шерстью, что не было видно глаз.

— Это... бобтейл?

— Да, господин Элвин. Этим утром мы обнаружили этого бобтейла, сколько ни гнали — не уходит, поэтому пришли к вам за указаниями, что делать!

Элвин нахмурился, глядя на этого бобтейла с высунутым языком. Уж не демон ли это опять?.. Затем Элвин снова покачал головой: откуда столько демонов, это же просто самовнушение. Как раз босс расстроен из-за истории с Сяосы, может, преподнести ему этого бобтейла? Подумав так, Элвин приказал забрать бобтейла и приготовился вести его к Альбафике.

Увидев бобтейла за спиной Элвина, Альбафика, честно говоря, нашёл его очень милой собакой: от головы до передних лап — белый, тело до хвоста — серый, а на лбу — прядь белой длинной шерсти, закрывающей глаза! Альбафика пристально посмотрел на белую прядь на лбу бобтейла, дёрнулся веком, затем резко встал и строго сказал:

— Элвин, выбрось его отсюда!

Сердце Элвина ёкнуло, он не посмел перечить, поспешно приказал выбросить бобтейла из главного поместья.

Альбафика устало сел, упёршись лбом в ладонь, а локтями — в стол. Минос, чего же ты добиваешься?

Бобтейл, он же Минос, глядя на главные ворота поместья семьи Рола, просто лёг у входа, не желая уходить. Хотя в душе он тоже был очень расстроен. Этот старик, почему всегда заставляет его быть животным? В прошлый раз был львом, а в этот раз сразу понизили до

собаки, это просто издевательство, очень хочется плакать!

Афродита заварил розовый чай и подал его Альбафике.

— Учитель, говорят, этот бобтейл пролежал у входа целый день!

Афродита никак не ожидал, что этот тип Минос снова вернётся. Если бы знал, наверное, давно бы выскочил и угостил его розами!

<http://bllate.org/book/15617/1394534>